

Иван Юрьевич ГОЛУБНИЧИЙ родился в 1966 г. в Москве.
 Окончил Литературный институт имени А.М.Горького.
 Автор трёх поэтических книг и двух книг публицистики.
 Главный редактор газеты «Московский литератор», шеф-
 редактор журнала «Российский Колокол».
 Лауреат Всероссийской премии им. Дмитрия Кедрина
 и Всероссийской премии им. Петра Проскурина.
 Секретарь Исполкома Международного
 сообщества писательских союзов;
 секретарь Правления Союза писателей России;
 член Союза журналистов Москвы;
 член Союза журналистов России;
 действительный член Петровской Академии наук
 и искусств.
 Заслуженный работник культуры РФ.

**Иван
 ГОЛУБНИЧИЙ**
 г. Москва

СВЕТИЛЬНИК, АНГЕЛОМ ЗАЖЖЕННЫЙ...

* * *

...И этот горький дым степных костров,
 и эта жизнь, как будто во хмелю...
 Но нищим ты придёшь под этот кров,
 и будет ночь черна, и холод лют.

Войдёшь сюда. Дрожащею рукой
 раздвинешь занавески на окне,
 зажжёшь свечу – и обретёшь покой,
 и, может, тихо вспомнишь обо мне.

...Когда придут другие времена,
 и жизнь других свободой осенит,
 и раскопают наши письма, и
 не поймут – о чём это они,

что называют Родину женой
 и что обожествляют имена?
 Для них закат – как образ неземной,
 и колокол – как горняя струна...

Всё бред. И холод лют, и ночь черна,
 и страшно жить в своей родной стране.
 Налей себе холодного вина
 и, Боже мой, не помни обо мне.

* * *

Плавилось небо багрово,
 день догорал обреченно.
 Ты приходила в лиловом,
 я, как положено, в черном.

И, ни о чем не жалея,
 счастьем нежданному рады,
 медленно шли по аллее
 возле церковной ограды.

В сумерках тени бродили,
 все на сомнамбул похожи...
 Мы ни о чем говорили,
 не замечали прохожих.

Все в этом вечере влажном –
 запахи, звуки, свеченья –
 было особенно важным
 и не имело значенья.

... Тлели закаты багрово,
 жизнь проходила неспешно,
 счастливо и бестолково,
 так бестолково, безгрешно.

* * *

Когда душа окаменеет,
когда отдашь себя сполна,
когда с небес тоской повеет
и страшной станет тишина,
когда к родимому порогу
придёшь, как гость, издалека,
захочешь помолиться Богу —
но не поднимется рука,
когда тебя оставят силы
и ты поймёшь, что это знак,
и скорбный ангел бледнокрылый
смущённо отлетит во мрак,
когда железные вериги
тебе покажутся милей
и ненаписанные книги
взорвутся в памяти твоей...

Тогда, негаданно-нежданно,
мелькнёт в болезненном уме:
...весна, царевна Несмеяна
и древний город на холме...

* * *

Я полюбил в глухие ночи
смотреть сквозь мутное окно
в холодные, слепые очи
светил, угаснувших давно.

Они почти уже остыли
и в синем холоде плывут
одни, в туманах звездной пыли,
покуда вовсе не умрут.

И это мощное сиянье,
пронизывающее тьму, —
лишь путь луча сквозь расстоянье,
непостижимое уму.

А ты глядишь, замороженный:
«Какая яркая звезда!
Светильник, ангелом зажженный,
неугасимый никогда...»

* * *

Чей-то шёпот, свет нездешний,
тихий свет во тьме крошечной,
будто бы туман.
А на сердце, под одеждой,
от утраты неизбежной
верный талисман.

Не пугайся, если в полночь
вдруг услышишь зов на помощь,
безнадежный зов!
Я глаза твои закрою
и плащом тебя укурою
от кошмарных снов.

Помнишь время золотое —
мы приветствовали стоя
нового вождя...
А теперь душе осталась
только мёртвая усталость,
только шум дождя.

Свечи белые сгорели,
слёзы горькие согрели,
тишина везде.
Одинокая, больная,
помолись со мной, родная,
утренней звезде.